

УДК 81'276.6:347.96

Юлинецкая Ю. В.

ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ДЕФИНИЦИЙ В ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье исследуются разновидности способов дефинирования, их эффективность в зависимости от задачи дефинирования, а также характерность для международного нормативно-правового акта. В частности анализируются зафиксированные в информационно-интерпретационных блоках международных нормативно-правовых актов дефиниции, такие как прямые и обратные, развернутые и свернутые, квази-дефиниции. Определено соотношение дефиниций в интерпретационных блоках международных нормативно-правовых актов и указано, что степень конкретизации терминов в юридических текстах обусловлена фактором адресата и его предполагаемой когнитивной базой.

Ключевые слова: способы дефинирования, интерпретационный блок, дефиниция, дефиниендум, дефиниенс.

Юлінецька Ю.В. Основні різновиди дефініцій в юридичних текстах. У статті досліджуються різновиди засобів дефінування, їх ефективність залежно від задачі дефінування, а також характерність для міжнародного нормативно-правового акту. Зокрема аналізуються зафіксовані в інформаційно-інтерпретаційних блоках міжнародних нормативно-правових актів дефініції, такі як прямі та зворотні, розгорнуті та згорнуті, квазі-дефініції. Визначено співвідношення дефініцій в інтерпретаційних блоках МНПА та вказано, що ступінь конкретизації термінів в юридичних текстах зумовлений фактором адресата і його передбачуваною когнітивною базою.

Ключові слова: засоби дефінування, інтерпретаційний блок, дефініція, дефініендум, дефініенс.

***Iulinetska Iu. V. Main types of definitions in legal texts.** The article contributes to examining different methods for defining legal terms, their effectiveness depending on the task of defining and specificity for international normative legal acts. The author determines correlation of definitions in interpretational blocks of international normative legal acts and states that the degree of concretization of terms in legal texts is predetermined by the addressee factor and his intended cognitive base. The interpretation component of the international normative legal act (INLA) is represented by special interpretation blocks whose boundaries coincide with the boundaries of entire sections and parts, as well as separate interpretations in other sections and articles of the INLA that allow to specify the meanings of certain terms or provisions of these sections and articles. Research has shown that the interpretive elements can be in total from 35% to 50% of the text, which indicates their significant role in the information-interpretation space of the international normative legal act in general and in the information-interpretation space of the addressee in particular. The main elements of the interpretation blocks are the definitions of terms and term combinations. The structural definitions in INLA differ in many respects from the definitions of explanatory dictionaries. In contrast to the latter, these definitions are predominantly polystructural in nature: they represent most often complete predicative structures with the verbs of equivalent relation. Reference definitions are definitions in which the definiendum (defined) takes a preposition in relation to the definiens (defining), while the correlate is represented by the verb of identity (equivalence). In other words, these are direct, expanded definitions with an equalizer, and the definiens is semantically significant. Such definitions are quantified in INLA, since they meet the requirements of the most accurate, unambiguous interpretation.*

Key words: methods for defining, interpretation section, definition, definiendum, definiens.

Актуальность вопросов, которые рассматриваются в настоящей статье, определяется всё возрастающей ролью различных международных нормативно-правовых документов в связи с интеграцией нашего государства в общеевропейское сообщество. Соответственно особое значение приобретает правильное толкование международных конвенций, договоров, пактов, протоколов и проч. Подобное правильное толкование международного нормативно-правового акта (МНПА) возможно только тогда, когда обеспечивается информационно-интерпретационная адекватность на «входе» и «выходе» информационно-интерпретационного канала общения. В случае с МНПА это становится реальным благодаря тому, что автор является не только отправителем информации, но и её первичным интерпретатором: область пересечения информационно-интерпретационных полей отправителя и реципиента значительно расширяется. Важную роль в этом плане выполняют интерпретационные блоки, в которых трактовка тех или иных положений или терминов представлена в наиболее эксплицированном виде.

Лингвистический анализ элементов подобных интерпретационных блоков до сих пор не проводился, что обуславливает новизну данного исследования, некоторые результаты которого представлены в настоящей статье.

Остановимся подробнее на ключевых составляющих интерпретационных блоков в текстах МНПА – дефинициях.

В теоретических трудах дефиниции в основном рассматриваются в рамках общелингвистических или лексикографических изысканий [1;3;4 и др.]. Однако дефиниции в МНПА не являются полным аналогом словарных дефиниций и требуют отдельного рассмотрения.

Многие специалисты рассматривают определение как вертикально-горизонтальную, или родо-видовую, дефиницию. Как отмечал Ю. Найда, в этом случае «определение значения строится на базе установления родового класса (то есть указания на соответствующее семантическое поле)» [1, 64]. Определения, строящиеся на других принципах, некоторые ученые вообще не склонны называть собственно дефинициями. Так, Н. И. Кондаков обо всех других способах дефинирования говорит лишь как о приемах, дополняющих определения.

На наш взгляд, эти дополнительные приемы также следует называть дефинициями, но дефинициями, построенными на другой принципиальной основе. Н. И. Кондаков называет 6 таких дополнительных приемов:

1) Указание – подразумевает ознакомление с предметами непосредственного восприятия. Этот прием фактически «перекликается» с тем, что другие исследователи называют «остенсивным определением». Совершенно очевидным является тот факт, что для международного нормативно-правового акта (МНПА) такой подход иррелевантен.

2) Объяснение – включает целый комплекс приемов, помогающих установить достоверность суждений относительно неясного значения или имеющих целью вызвать более ясное или отчетливое представление о более или менее известном термине, явлении или норме.

В любом объяснении должны различаться 2 компонента, различающи-

еся по своим функциям: а) дефиниендум – то, что надлежит объяснить, т.е. языковое отображение объясняемого объекта (термина, явления) и б) дефиниенс – совокупность объясняющих положений. Мы считаем, что между собственно дефиницией и объяснением нет принципиальной разницы. Объяснение можно рассматривать как один из способов дефинирования, а его конечный результат дефиницией-экспликацией. Такие дефиниции-экспликации характерны для энциклопедических словарей и научно-теоретической литературы.

Особенностью предиката (дефиниенса) в этом случае является его весьма свободная форма презентации, – как в лексико-семантическом, так и в синтаксическом плане. Этим он отличается от эталонной, т.е. собственно дефиниции с её жесткой структурой, относительно небольшим объемом и обязательными эксплицитными или подразумеваемыми элементами эквивалентной корреляции.

3) Описание. Н. И. Кондаков считает, что описание это ещё один из приемов, используемых, в тех случаях, когда не представляется возможным определить предмет посредством установления ближайшего рода и видового отличия, т.е. дать определение. Как видим, и описание рассматривается только как вспомогательный прием, но не само определение.

Описать объект (предмет, явление, понятие, термин) – значит перечислить ряд признаков, которые раскрывают его более или менее исчерпывающе. При этом в описание включаются не только существенные, но и несущественные признаки предмета (явления, понятия и проч.).

Главное требование к описанию заключается в том, что в нем не должно содержаться логически противоречивых утверждений.

Наиболее удачным считается описание, которое дает более или менее полное представление об описываемом объекте с помощью меньшего числа признаков.

Мы считаем, что описание также является разновидностью дефиниции, которое отличается стремлением к детализации и всеохватности. В отличие от объяснения, оно представляет собой перечисление как ингерентных, так и адгерентных признаков объекта.

Для МНПА, относящегося к среднежесткому типу текста, такие дефиниции-описания не очень характерны.

4) Характеристика – это прием, который, по мнению Н. И. Кондакова, заключается в следующем: указываются какие-либо заметные признаки объекта, имеющие известное значение в каком-либо отношении. Характеристика может быть полной и неполной, положительной либо отрицательной.

С нашей точки зрения, характеристика – это также не просто прием, но определение, в котором на первое место выдвигаются аксиологические признаки (*good, bad, adequate* и т.д.). Если описание предполагает максимальную объективность, то характеристика – значительную субъективность позиции адресанта. В этом случае интерпретационное поле адресата значительно сужается, в то время как при описании последний делает собственные выводы и дает собственные трактовки термина или объекта.

5) Сравнение – прием, который используется в том случае, когда понятие, номинированное термином, можно сопоставить с другими понятиями, похожими на него и в результате такого сопоставления лучше уяснить данное понятие. Определения через сопоставление вполне возможны, но наблюдения показывают, что они практически не встречаются в МНПА.

6) Различие – прием, который заключается в том, что в сравнительных понятиях на первое место выдвигаются различные, а точнее различительные признаки.

Ещё раз подчеркнем, что все перечисленные Н. И. Кондаковым приемы мы считаем не просто приемами, дополняющими дефинирование, а иными способами дефинирования, которые с прагматической точки зрения, следует, очевидно, считать просто менее удачными формами определения, чем дефинирование через родовые и видовые признаки.

Однако каждый из них может оказаться весьма эффективным в той или иной конкретной ситуации в зависимости от непосредственной задачи дефинирования. Только первый из перечисленных, – остенсивный (указательный), вряд ли приемлем в МНПА, поскольку он включает в себя не только вербальную, но и паралингвистическую составляющую (жест указания и проч.).

Дефиниции следует отличать от других структур, которые на самом деле дефинициями не являются. К таким «мнимым» дефинициям относятся структуры, включающие сокращения, условные обозначения, которые являются ещё одним наименованием, эквонимом указанного термина или названия, например:

(1) *(b) a judge of the Court of Session is not to count as a judge of that court for the purposes of section 1(1) of the Court of Session Act 1988 or of section 9(1)(c) of the Administration of Justice Act 1973*

(«the 1973 Act») (6, 11).

(2) *The holder of a judicial office may become a judge of the European Court of Human Rights («the Court») without being required to relinquish his office* (6, 11).

В скобках представлен не дефиниенс и не дефиниендум, а лишь сокращенный вариант, который далее авторами используется для обозначения соответствующего лица, документа или судебного органа. Поэтому, например, слово *Court* нельзя квалифицировать как дефиницию в целом, или как её отдельные элементы – дефиниенс или дефиниендум. Это условный субститут, – заменитель развернутого наименования *the European Court of Human Rights*, используемый юристами для удобства в практической работе. Он позволяет снять громоздкость формулировок и вербальную избыточность, но не может рассматриваться в качестве семантического «дешифратора».

В зависимости от позиционного соотношения в структуре определения дефиниендума и дефиниенса можно выделить прямые и обратные дефиниции (соответственно 78% и 22%).

Под прямыми мы понимаем определения, в которых на первом месте находится дефиниендум (определяемое) (Д1), а дефиниенс (Д2) занимает постпозицию:

“maintained nursery” (Д1) means a facility (Д2) for nursery education, within the meaning of section 117 of that Act, provided by a local education authority (4, 13).

Под обратными понимаются определения, в которых дефиниендум занимает постпозицию, следуя за дефиниенсом:

A person (Д2) giving notice of intention to respond is, in this rule, called a “respondent” (Д1) (8, 16).

Наблюдения показали, что численно превалируют прямые дефиниции (78%), когда рематическая часть находится в постпозиции. Такие дефиниции легче уясняются и позволяют адресату быстрее сориентироваться в текстовом массиве, так как дают возможность сразу же зафиксировать в тексте положение искомого термина. Иными словами, это традиционное расположение известного и нового, где дефиниендум совпадает с темой высказывания, а дефиниенс с ремой.

Обратное определение означает начало с рематической части, что не всегда позволяет читателю сразу понять, что он имеет дело с дефиницией, а не с какой-то иной формой пропозиции. В этом случае уяснение термина значительно затрудняется, поэтому не вызывает удивления превалирование в МНПА прямых дефиниций. Напомним, что обратные конструкции составляют лишь 22% зафиксированных нами определений.

В зависимости от наличия или отсутствия коррелята эквивалентности можно выделить дефиниции развернутые (трехэлементные: дефиниендум – коррелят – дефиниенс) и свернутые (двухэлементные: дефиниендум – дефиниенс, т.е. определения без коррелята). Наши подсчеты показали, что они соответственно составляют 84% и 16%.

В синтаксическом плане свернутые дефиниции представляют собой структуры, в которых дефиниендум или дефиниенс репрезентируется как приложение или вводная конструкция:

*6(1). An appeal to the Lands Tribunal shall be sending to the registrar a written notice indicating an intention to appeal so that it is received by the registrar within 28 days from the date of the **decision** (Д2) appealed against (“**the disputed decision**”)(Д1), or... (8, 1).*

В данном случае в роли приложения выступает дефиниендум.

Сравним с соответствующей развернутой дефиницией:

The disputed decision is the decision appealed against.

Наш анализ показал, что свернутые дефиниции встречаются в среднем в 5 раз реже, чем развернутые, а это свидетельствует о безусловном доминировании последних. Иногда, в ряде документов это соотношение достигает даже 8:1. Подобная тенденция отвечает требованию к максимальной экспликации и доходчивости презентации информации в МНПА.

В зависимости от семантического соотношения дефиниендума и дефиниенса, на наш взгляд, можно выделить (1) родо-видовые дефиниции, (2) дефиниции описательные и (3) характерологические. Наблюдения показали, что именно первые (1) из названных играют доминирующую роль в МНПА.

Если же дефиниенс фактически представляет собой ссылку на другие

разделы документа или иные документы, то подобные определения собственно дефинициями не являются, поскольку здесь нет толкования термина как такового. Их логично было бы назвать квази-дефинициями. Проведенный анализ показал, что квази-дефиниции весьма многочисленны. Они составляют 38% всех определений, зафиксированных в информационно-интерпретационных блоках МНПА. К ним, например, можно отнести следующие:

- (1) 52.-(1) *In this Section "proposal" means a proposal made by the Council to the Secretary of State under Section 51<...> (5, 3).*
- (2) (6)*In this section – "unlawful" means unlawful under section 6 (1) <...> (6, 6).*

Как видим, дефиниенс во всех приведенных примерах не расшифровывает смысл термина, – термины *"proposal"*, *"unlawful"* остаются семантически закрытыми.

Таким образом, с точки зрения семантической полноты или опустошенности дефиниенса можно выделить собственно дефиниции и квази-дефиниции. Семантически опустошенные дефиниенсы заменяются в квази-дефинициях референциями или, по сути дела, являются бланкетными нишами, представляющими собой в известном смысле «бланк», который заполняется содержанием другого нормативного документа.

К этой группе квази-дефиниций примыкают различные положения, указывающие на рамки применения определенных положений, различные оговорки, в которых представлены условия, при которых действуют соответствующие положения или уточняется сфера применения конкретного термина. Подобные оговорки обычно оформляются с помощью реляционных глаголов *affect*, *apply*, *extend* и др.

Соотношение инклюзивных и эксклюзивных конструкций здесь составляет в среднем 5 : 1. Нередко инклюзивные и эксклюзивные структуры встречаются в рамках одного интерпретационного блока:

- 3 (2) *This section –*
- (a) ***applies to primary legislation and subordinate legislation whenever enacted;***
  - (b) ***does not affect the validity, continuing operation or enforcement of any incompatible primary legislation; and***
  - (c) ***does not affect the validity, continuing operation or enforcement of any incompatible subordinate legislation of (disregarding any possibility of revocation) primary legislation prevents removal of the incompatibility (6, 2).***

Как видим, подпункт (а) является инклюзивным, а подпункты (b) и (c) эксклюзивными, поскольку первый указывает область применения основного положения данной интерпретационной статьи, а два других – области, которые находятся вне поля действия данных правовых норм.

Дефиниции также различаются по степени конкретизации или точности информации, содержащейся в дефиниенсе. Рассмотрим способы конкретизации, чаще всего используемые в дефинициях МНПА.

Наблюдения показывают, что среди толкований преобладают случаи,

когда термины получают более конкретное, узкое значение по сравнению с представленными в словаре:

- (1) 3. *In this section “rules” means rules of court or, in the case of proceedings before a tribunal, rules made for the purpose of this section (6, 2).*

Как видим, слово *rules* (правила) понимается в указанном документе только как «правила суда», т.е. сфера его применения ограничивается пределами судебной инстанции. Таким образом, объем первоначального (прототипического) значения данной лексемы – “*a principle or order which guides behaviour, says how things are to be done, etc.*” [2, 972], – фактически суживается до дефиниции понятия *rules of court*, которая, однако, не представлена в тексте документа. Она зафиксирована в юридических толковых словарях, в том числе в « Оксфордском словаре права»:

rules of court – rules regulating the practice and procedure of a court, usually made by a rule committee acting under a statutory power (3, 413).

Следует подчеркнуть, что степень дискретности представления понятий и конкретизации их толкования может быть различной. Эта величина и не может быть абсолютной, – речь идет об относительном характере данного показателя. Применительно к вышеприведенному случаю позволительно говорить о промежуточном толковании лексемы *rules*. В документе она была интерпретирована как *rules of court*, хотя последнее словосочетание, в свою очередь, тоже требует толкования, так как понимается в юридической литературе достаточно широко.

Вместе с тем «разложение» термина на элементы в тексте документа, очевидно, должно происходить в каких-то разумных пределах, которые определяются прагматическими соображениями. Так, авторы цитируемого МНПА посчитали излишним дать толкование терминологического словосочетания *rules of court*, исходя из достаточно высокой профессиональной подготовки предполагаемого адресата, – юриста, хорошо знающего, что представляют собой «судебные правила», о которых идет речь. Отметим также, что документ не может состоять из одних интерпретаций, поэтому, подчеркнем ещё раз, наиболее известные термины, если они не подвергаются переосмыслению, в юридических официальных текстах не расшифровываются. В случае необходимости пользователь документа может обратиться к соответствующим терминологическим и толковым словарям, на что, очевидно, и рассчитывали составители данного МНПА.

Таким образом, среди основных разновидностей дефиниций в юридических текстах можно выделить собственно дефиниции, «мнимые» дефиниции и квази-дефиниции. Подчеркнем, что последние два типа собственно дефинициями не являются, они лишь имитируют их структурно. Исследование показало, что в МНПА преобладают прямые развернутые дефиниции с коррелятом абсолютного тождества, что создает предпосылки для скорейшей ориентации реципиента в текстовом массиве и скорейшего уяснения представленного термина.

Список литературы

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ГНОЗИС, 2002. – 333с.
2. Найда Ю. А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения// Новое в зарубежной лингвистике.- Вып. 16. – М.: Прогресс, 1983.
3. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. – Т. 14 – М.: Прогресс, 1983. – С. 23-61.
4. Bierwisch M., Kiefer F. Remarks on Definitions in National Language // Studies in Syntax and Semantics. – Dordrecht: Reidel, 1969. – P. 55-79.
5. Longman Dictionary of Contemporary English – Harlow : Longman, 1986. – 1303p.
6. Oxford Dictionary of Law. – Oxford. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1997. – 515p.
7. Consolidated Version of the Treaty Establishing the European Community. – Official Journal C 325 2002. – 112p. – <http://europa.eu.int/eur-lex/lex/en/treaties/dat/12002E/htm/12002E.html>.
8. Disability Discrimination Act 1995. – 10p. – <http://www.hms.gov.uk/acnc/acts1995/95050-f-g.htm>.
9. Human Rights Act. Chapter 42. – L.: The Stationery Office, 1999. – 26p. – http://www.hms.gov.uk/acts/acts_1998/19980042.htm
10. International Convention Against the Taking of Hostages. – G.A.Res. 146 (34), U.N.GAOR, Supp.№ 46, at 245, U.N.Doc. A/34/46. – 1979. – 22p. – http://www.undoc.org/undoc/terrorism_convention_hostages.html.
11. The Lands Tribunal Rules. Parts 1-4. – 57p. –
12. http://www.hms.gov.uk/si/si/1996/Uksi19961022en_1-9.htm.

References

1. Karasik, V. I. (2002). Jazyk social'nogo statusa. – М.: GNOZIS.
2. Najda, Ju. A. (1983). Procedury analiza komponentnoj struktury referencionnogo znachenija. In Novoe v zarubezhnoj lingvistike.- Vyp. 16. – М.: Progress.
3. Fillmor, Ch. Dzh.(1983). Ob organizacii semanticheskoy informacii v slovare // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Т. 14 – М.: Progress, 23-61.
4. Bierwisch, M., Kiefer, F. (1969). Remarks on Definitions in National Language // Studies in Syntax and Semantics. – Dordrecht: Reidel, 55-79.
5. Longman Dictionary of Contemporary English (1986). – Harlow : Longman.
6. Oxford Dictionary of Law (1997). – Oxford. N. Y. : Oxford Univ. Press.
7. Consolidated Version of the Treaty Establishing the European Community. – Official Journal C 325 2002. – 112p. – <http://europa.eu.int/eur-lex/lex/en/treaties/dat/12002E/htm/12002E.html>.
8. Disability Discrimination Act 1995. – 10p. – <http://www.hms.gov.uk/acnc/acts1995/95050-f-g.htm>.
9. Human Rights Act. Chapter 42. – L.: The Stationery Office, 1999. – 26p. – http://www.hms.gov.uk/acts/acts_1998/19980042.htm
10. International Convention Against the Taking of Hostages. – G.A.Res. 146 (34), U.N.GAOR, Supp.№ 46, at 245, U.N.Doc. A/34/46. – 1979. – 22p. – http://www.undoc.org/undoc/terrorism_convention_hostages.html.
11. The Lands Tribunal Rules. Parts 1-4. – 57p. – http://www.hms.gov.uk/si/si/1996/Uksi19961022en_1-9.htm.

Стаття надійшла до редакції 22.02.2017 р.